



ИРВИН
ЯЛОМ



**МАМОЧКА
И СМЫСЛ ЖИЗНИ**

БОМБОРА™

Москва 2021

УДК 159.9
ББК 88.3
Я 51

Irvin D. Yalom
Mamma and the Meaning of Life
Copyright © by Irvin D. Yalom, 1992, 1996, 1999

Художественное оформление *П. Петрова*
Перевод *Е. Климовой*

Ялом, Ирвин.
Я 51 Мамочка и смысл жизни / Ирвин Ялом ; [пер. с англ.
Е. Климовой]. — Москва : Эксмо, 2021. — 384 с. — (Практи-
ческая психотерапия).

ISBN 978-5-04-198148-8

Каждое произведение Ирвина Ялома — это бестселлер. Талант рассказчика ярко виден даже в тех его книгах, которые посвящены специальной тематике. В этой же книге его писательский дар просто блещет!

Можно без конца слышать, что слово лечит, история учит, но оставаться при этом совершенным скептиком. Но стоит открыть книгу Ялома и прочесть несколько первых строк, и эти истины перестают быть банальными. Автор — замечательный рассказчик, он не только умеет рассказывать, он любит это делать. Беря в руки эту книгу, ты остаёшься один на один с автором и становишься не читателем, а скорее слушателем. Ну, и, разумеется, учеником, потому что этот рассказчик учит. И когда он говорит: «Слушайте своих пациентов. Позвольте им учить вас», на какой-то миг вы меняетесь местами: ты становишься врачом, а Ялом — твоим пациентом, который учит своего терапевта. Ты только позволь ему это делать.

УДК 159.9
ББК 88.3

© Климова Е.А., перевод на русский
язык, 2010

© Оформление.

ISBN 978-5-04-198148-8

ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Саулу Спиро, психотерапевту, поэту, художнику

*С благодарностью за наши сорок лет дружбы —
за сорок лет совместной жизни, книг,
творческой инициативы,
стойкого скептицизма ко всему.*

Благодарности

Выражаю благодарность всем тем, кто прочитал, сделал замечания и полезные добавления к окончательному тексту этой рукописи: Саре Липпикотт, Давиду Шпигелю, Давиду Ванну, Джо Анн Миллер, Мюррею Билмесу, Анн Эрвин, Бену Ялому, Бобу Бергеру, Ричарду Фумозе и моей сестре Джин Роуз. Я, как всегда, в неоплатном приятном долгу у моей жены, Мэрилин Ялом, в гораздо большей степени, чем я могу выразить. И также в неоплатном долгу перед моим редактором, Фебой Хосс, которая в этой книге, как и во многих других, принуждала меня творить на пределе моих возможностей.

Мамочка и смысл жизни

Сумрак. Похоже, я умираю. Зловещие силуэты обступили мою кровать: кардиомониторы, кислородные баллоны, капельницы, спирали пластиковых трубок — кишки смерти. Я закрываю глаза и скольжу вниз, в темноту.

Но тут выпрыгиваю из кровати, вылетаю из палаты прямо в ярко залитый солнцем парк аттракционов Глен Эко. Много десятилетий назад я проводил здесь почти все летние воскресенья. Слышится карусельная музыка. Я вдыхаю влажный карамельный запах липкого попкорна и яблок. И иду, никуда не сворачивая, — не задерживаюсь ни у тележки с мороженым десертом «Белый медведь», ни у двойных американских горок, ни у колеса обозрения — чтобы встать в очередь за билетами в «Пещеру ужасов». И вот билет куплен, я жду, пока следующий вагончик обогнет угол и с лязгом остановится около меня. Я залезаю в него и опускаю скобу безопасности, чтобы приковать себя к сиденью. Оглядываюсь в последний раз — и там, посреди кучки зевак, — вижу ее.

Я машу руками и зову, громко, чтобы все услышали:
— Мама! Мама!

Тут вагончик трогается с места и бьется о створки дверей, которые распахиваются, открывая зияющую чернотой

утробу. Я откидываюсь назад, насколько могу, и, пока меня не поглотила тьма, снова кричу:

— Мама! Я молодец, мама? Скажи, я молодец?..

Поднимаю голову с подушки, пытаюсь стряхнуть сон. Слова застряли у меня в горле: «Я молодец, мама? Скажи, я молодец?»

Но мама уже давно в могиле. Вот уже десять лет, как ее, холодную как лед, зарыли в простом сосновом гробу на кладбище «Анакостия» под Вашингтоном. Что от нее осталось? Думаю, одни кости. Конечно, бактерии отполировали их до блеска. Может быть, осталась пара жидких седых прядей, а может, еще видны блестящие полоски хряща на концах больших костей, берцовых и бедренных. И конечно, кольцо! Где-то в костяном прахе должно быть тонкое серебряное филигранное обручальное кольцо, которое папа купил на Эстер-стрит после того, как они приехали в Нью-Йорк третьим классом из еврейского местечка где-то в России, на другом конце света.

Да, мамы давно уж нет. Десять лет. Отдала концы и истлела. Ничего не осталось — только волосы, хрящи, кости, серебряное обручальное кольцо. И ее образ, наблюдающий за мной в моих воспоминаниях и снах.

Зачем же я машу ей во сне? Ведь махать ей я перестал много лет назад. Как давно? Может, десятки лет. Кажется, это было больше полувека назад, когда она повела меня, восьмилетнего, в «Лесной» — кинотеатр по соседству, за углом от папиного магазина. Хотя в зале было достаточно

свободных мест, она плюхнулась рядом с одним из местных хулиганов, мальчишкой на год старше меня.

— Эй, леди, тут занято, — прорычал он.

— Ну да, конечно! Занято тут, — презрительно отозвалась мать, устраиваясь поудобнее. — Он занял место. Подумайте, какой важный!

Она произнесла это громко, во всеуслышание.

Мне захотелось вжаться в кресло и исчезнуть в его светло-красном бархате. Чуть позже, когда уже погасили свет, я набрался духу и медленно повернул голову. Вон он, пересел на несколько рядов назад, к своему дружку. Я так и знал — они смотрели на меня и тыкали пальцами в мою сторону. Один показал мне кулак и беззвучно произнес: «Погоди у меня!»

Так мама закрыла мне доступ в «Лесной». Теперь это была вражеская территория. Вход был воспрещен — по крайней мере среди бела дня. Если я хотел быть в курсе воскресных сериалов — «Бак Роджерс», «Бэтмен», «Зеленый шершень», «Фантом», — мне приходилось прокрадываться в зал уже после начала сеанса, занимать место в темноте, в самом последнем ряду, как можно ближе к выходу, и убегать, не дожидаясь конца фильма, пока не включили свет.

В нашем квартале не было задачи важнее, чем избежать чудовищной катастрофы — *быть избитым*. «Стукнули» — да запросто: заехали кулаком в челюсть, и все. «Треснули», «вломили», «напинали», «порезали» — один черт. Но если *быть избитым* — *ohmygod*. Когда это за-

кончится? Что от тебя останется? Ты — навсегда вне игры с клеймом «избитый».

Но махать маме? С какой стати я машу ей теперь, когда много лет мы жили в состоянии ничем не нарушаемой неприязни? Тщеславная, подозрительная, властная, злопамятная, она лезла во все дырки, считала свое мнение единственно правильным и была чудовищно невежественна (но не глупа! — даже я это понимал). У меня с ней не связано никакого, ни одного-единственного теплого воспоминания. Никогда не было такого, чтобы я гордился ею, никогда у меня не мелькала мысль: «Как хорошо, что у меня такая мама!» У нее был ядовитый язык и всегда наготове язвительное слово в чей угодно адрес — кроме папы и сестры.

Я любил тетю Ханю, сестру отца, такую милую, с неистощимым запасом душевного тепла, ее сосиски гриль, завернутые в ломтики колбасы, ее несравненный штрудель (рецепт навсегда утерян, поскольку сын Хани отказался им поделиться — впрочем, это уже другая история). Больше всего я любил Ханю по воскресеньям. В этот день ее магазинчик-закусочная, расположенный возле вашингтонской военно-морской верфи, не работал. Ханя ставила автомат для игры в пинбол на бесплатный режим и разрешала мне играть часами. Она не возражала, когда я подсовывал сложенные бумажки под передние ножки стола, чтобы шары катились медленнее, и я набирал больше очков. Мое благоговение перед Ханей приводило маму в бешенство, она постоянно раздражалась злобными тирадами в адрес своей золовки. У мамы сложился традиционный перечень

Ханиных прегрешений: бедность, нежелание работать в лавке, отсутствие деловой сметки, муж-лодырь, отсутствие гордости и готовность принимать в дар поношенные вещи.

По-английски мама говорила ужасно, с чудовищным акцентом и густой примесью идиша. Она никогда не приходила ко мне в школу, ни на день открытых дверей, ни на родительские собрания. И слава богу! Меня корежило от одной мысли, что мне пришлось бы представлять ей своих друзей. Я ссорился с мамой, демонстративно не слушался ее, кричал на нее, избегал ее и, наконец, уже подростком, вообще перестал с ней разговаривать.

Величайшая загадка моего детства — как папа ее терпел? Помню моменты счастья — воскресное утро, мы с ним играем в шахматы, папа весело подпевает пластинке с русскими или еврейскими песнями, качая головой в такт музыке. Но всегда наступает момент, когда утренний воздух разлетается на куски от маминого пронзительного крика со второго этажа: «*Гевалт, гевалт*, хватит! *Вейзмир*, хватит этой музыки, хватит шума!» Отец без единого слова встает, выключает фонограф, и мы продолжаем нашу игру в тишине. Сколько раз я молился про себя: «Ну, папочка, ну, пожалуйста, заткни ее, хоть один раз!»

Так почему я машу ей? И что это мне вдруг под конец жизни вздумалось спрашивать: «Я молодец, мама?» Неужели — и эта мысль бьет меня как обухом по голове! — я всю жизнь жил напоказ, ради одного зрителя — этой презренной женщины? Всю жизнь я пытался сбежать, удрать